

Алиса
Лойст

КУКЛЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЗА ЗЕРКАЛЯ

Алиса Лойст

Куклы зазеркалья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47690455

SelfPub; 2019

Аннотация

Знакомство в интернете – самая обычная вещь в наше время. Которая, казалось бы, не таит в себе никакого подвоха и беды. Разве что фотография будет далеко не похожа на оригинал. Так думает Валерия, собираясь на свидание с молодым человеком... В этом же городе Глеб Изотов расследует серию убийств молодых девушек. Их судьбы пересекутся, чтобы понять, кто тот монстр, что так безжалостно забирает чужие жизни. Но Валерии придется сыграть в последнюю ужасную игру. Чтобы вернуть свою жизнь и начать все заново. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

79

Куклы зазеркалья.

*«Ах, дамы, господа,
Позвольте нам начать,
И пьесу показать,
Про смерть и про любовь».¹
(гр. Агата Кристи)*

Все вокруг остановилось.

Внешний мир стал лишь декорацией, просто проходящие мимо кадры из кино – нереальные, мистические. А настоящая жизнь начиналась здесь в этой комнате, за толстыми стенами и дверьми обитыми железом.

Да, здесь был его мир! Здесь он чувствовал себя всемогущим. Он вдыхал этот запах чужого страха и видел в их глазах постепенно появляющуюся покорность судьбе. В роли Судьбы выступал, конечно, он.

Это сладкое, пьянящее чувство. Жаль. Что нельзя находиться здесь постоянно, среди своих трофеев, рядом с новыми увлечениями. С каждым разом азарт охоты вначале все яростнее, все менее отягощен рутинной, потому что навыки совершенствуются, фразы все более отточенные и бьющие прямо в цель.

Он улыбнулся и сильнее нажал на дверь, за ней скрывалась оборотная сторона его жизни. В этом пространстве

¹ «Пролог. Убитая любовь» – муз. и сл. Г. Самойлов (входит в альбом гр. «Агата Кристи», «Майн Кайф?», 2000г.)

не было места маскам и притворству. Да, можно быть самим собой. Даже общение в интернете не могло обеспечить этого, все равно нужно притворяться не тем, кем являешься на самом деле, чтобы заинтересовать собеседника. Мышцы на лице расслабились, ушла улыбка «хорошего мальчика». Вот так-то лучше. Способностью, изображать эту маску, он в совершенстве овладел еще в детстве. Это любимое представление у его мамочки. На лбу появилась морщина. Нет, не здесь, не сейчас. Нельзя думать о ней. От таких мыслей пропадало все настроение, никакого удовольствия. Завтра он все расскажет ей в подробностях.

Улыбка искривила тонкие губы. Черт побери, ничего не скроет от нее. Раньше ведь ей всегда требовался полный отчет «как у тебя прошел день» и, «какие успехи». Теперь данная обязанность уже не вызывала в нем такого раздражения и противоборства, наоборот только энтузиазм и чувство внутреннего удовлетворения. Наконец она слушала о том, что на самом деле его интересовало и в чем хотелось добиться того самого пресловутого успеха, которого от него требовали.

Он не ожидал с самого начала великих результатов, продвигался медленно. Трудно было преодолеть стереотипы программы действий и мышления, которые закладывались и впечатывались в мозг с детства. Эти аксиомы надо поступать вот и так.

Было тяжело, разум кричал, что он переступает все дозво-

ленные границы, установленные обществом. Но другая часть его испытывала такое глубокое удовлетворение, огромный благодостный поток спускался на него и заглушал все разумное и рассудительное. И разум уже был просто посторонним шумом, звучащим как призрачный фон.

Как только за ним закрывалась дверь, наступало ощущение безграничной свободы и жажды повторять еще и еще. И нет никаких границ, которые рисует тебе мозг.

И он смог преодолеть последний барьер. Хитро улыбнулся. Пусть и пришлось идти обходным путем, но главное ведь результат. Да, что там результат, по ходу действия и на этом этапе он получал наслаждение. И в это время не был обременен ответственностью за процесс. Немного расхолаживало и расслабляло, но было так необычно, так волнующе и давало возможность полностью раствориться в действе. Как будто смотришь спектакль, поставленный по твоей пьесе и все именно так, как ты себе представлял в своей голове. Весь сюжет, все нюансы. Полное удовлетворение.

Жаль, ах как жаль, что нельзя быть здесь всегда. Дверь закрылась за ним и в полумраке глаза, наполненные тупой покорностью опять взглянули на него. Как бы хотелось увидеть что-нибудь другое. Наверное, понимание. Он верил, что вскоре так и будет. Он нашел ее.

Засветился монитор. Я улыбнулась, предвкушая новые встречи и общение.

Пока загружалась страничка на сайте в интернете, сбегала на кухню. Там уже всю кипела вода в кастрюле. В завариваниях пузырьки плавали черный перец – горошком и лавровый лист. Главное блюдо всех одиночек и не только – пельмени. Сытно, быстро и без особых проблем. Чай, бутерброд с остатками засохшей полукопченой колбаски, что еще нужно!

Главное ждало меня впереди. В просторах сети многие сейчас чувствуют себя намного свободнее, чем в реальной жизни. Там ты можешь полностью проявить свое остроумие и словесные таланты. Когда не видишь собеседника перед собой – это немного расслабляет. Можешь стать кем угодно. С кем-то общаться в роли простой девчонки, которая становится душой компании, а с кем-то представлять себя роковой соблазнительницей, а с другими быть занудной заучкой, учащейся на заочном отделении. Всегда разная, проявляющая все стороны своего «я».

Ведь это очень интересно побыть разными людьми одновременно. В тоже время общение с людьми в разных чатах создавало ощущение, что ты не один.

Но с другой стороны я понимала, что одиночество никуда не исчезло. Отбери у меня компьютер или пропади связь с всемирной паутиной и все – одна.

Рассматривая чужие странички, открытые для всех и для всего, с количеством друзей, переливающим за триста или четыреста человек, понимаешь, в какой степени эти люди в

действительности одиноки. Чем больше друзей, тем больше одиночество.

Принюхалась, похоже, все, пельмени вкусно запахли. Выловила одну и, бросив на тарелку, разломил вилкой – божественно!!! Теперь немного томатного соуса, перчику и будет совсем замечательно. Составила свой нехитрый ужин на поднос и понесла в комнату. Не люблю, когда рабочий стол и клавиатура в крошках, но ждать не могла. Сегодня был трудный день. Возможно, что после еды вообще ничего не захочется кроме как спать. А на своих страничках я не показывалась уже несколько дней.

И так... Контакт, и сайт знакомств. И там и там куча сообщений. Вообще мне хватало и контакта, но недавно одна из девушек на работе предложила зайти на один сайтов знакомств, сказав, что там попадаются «вполне приличные варианты». Не знаю, что она имела в виду. Потому что я пока получала сообщения типа: «Привет! Займемся любовью?»; «Привет! Как мы можем встретиться?»; «Привет! Не хочешь пообщаться с женатым мужчиной. Если тебя это устроит, то напиши (фото не мое)». По чести сказать, последнее сообщение было в единственном экземпляре, но все-таки возмутило больше чем предыдущие все. Фото и вправду было так себе...

Но иногда получала и прикольные. Например, один паренек интересовался, не нравятся ли мне мужчины в женской одежде? Парик его был ужасен, так же как и макияж. Стоило

предложить бедняге сменить имидж с роковой блондинки в стиле Мэрилин Монро, на брюнетку в образе может быть – Кэтрин Зета Джонс? Не знаю. Решила ничего не отвечать.

Начала в этот раз с сообщений в контакте. Когда только зарегистрировалась на сайте «Лавстори», то первым делом неслась проверять, не написал ли мне кто-то стоящий. Сердце стучало быстро, быстро, думалось, что еще чуть-чуть подождать, и он напишет (или найдет, кому как кажется, более мелодраматично) – мой принц!

«Ага! Принц! Дай Бог, хотя бы адекватный». Парни, писавшие мне более или менее приличные вещи, поняв, что сразу же с ними на свидание я не соглашусь, переставали подавать признаки жизни.

Несколько девушек, знавших о сайте, спрашивали, как продвигаются дела в поисках суженого ряженого. Видимо сами думали о чем-то подобном, но не решались. С компьютером же детей не заведешь, в самом деле! Отвечаю, что пока все глухо. Зачем врать? Пусть люди, как-то вылезают из своих норок и пытаются наладить контакты в реальной жизни.

Закинув пельмешек в рот, просмотрела всю свою почту в интернете. «Ого! Семь сообщений от потенциальных ухажеров. Да я просто нарасхват сегодня! Просмотров анкеты – двадцать четыре. Что мы имеем? Опять «давай встретимся», потом «как дела красотуля». У меня отлично, а у тебя видимо не очень». И отправила его в список «игнорируемых», как и всех предыдущих. «И это весь улов на сегодня? Нет,

смотрите-ка какое длинное сообщение... Старался человек. Надеюсь, что это не описание процесса «как бы я тебя» во всех подробностях, а то и такие умельцы есть».

Текст не содержал никаких пошлостей и был более чем нормальным. Если бы не была в нем нотка большой неуверенности в себе. Хотя это могло быть лишь приманкой, чтобы с ним начали общаться.

«Привет! Я, наверное, буду уже сотым, кто пишет тебе, и затеряюсь среди сообщений более интересных, чем мое. Но все же, мне хотелось бы верить, что фотография не врет. И ты милая и озорная. И глаза горят так же. Что ты ищешь более глубокого и интересного общения. И не такая поверхностная как другие. Если ты заинтересуешься, напиши мне».

Я задумалась, какой-то странный осадок остался от этих слов, написанных совсем неизвестным мне человеком. Пельмени уже даже немного поостыли, когда наконец решившись, написала: «Привет! Твое сообщение меня заинтересовало, давай пообщаемся. Но ничего не обещаю».

Погода была скверная. Начало сентября, как всегда, сопровождалось дождями и сыростью. Особенно везло школьникам, первого сентября. Все праздничное настроение испортится, пока стоишь под дождем среди толпы таких же, как ты, слушаешь длинные, ничего не значащие для тебя речи, а за шиворот тебе капает с букета задних рядов.

Он прищурился, пытаясь разобрать, через сплошной по-

ток воды и мелькающие дворники начала рассасываться пробка или нет. Обычно в это время на дорогах было уже достаточно свободно. Час пик возвращения рабочего населения домой проходил. Отрабатывали отгул, взятый на первое сентября, чтобы проводить детей в школу? Может быть.

Положив свободно руки на руль, немного откинулся в водительском сиденье, но тут, же выпрямился. Только тело принимало более расслабленную позу, как сразу же начинало клонить в сон. Пропить витамины что ли? Ему еще весной сестра притащила. Но они так и валялись в шкафчике на кухне, предусмотрительно убранные и заставленные рядом из банок, чтобы она не увидела и не начала есть плешь: «Ты опять забыл? С твоей работой нужно беречь себя. А то ни нормального питания, ни сна, ни отдыха...». И так далее, в том же духе. Варвара работала в детском саду воспитателем и воспитывала всех: детей в группе, своих двух и мужа. К тому же была на пять лет старше. В силу всех этих причин постоянно читать нотации и муштровать его вошло в привычку.

Пока он был на автомойке, то отключил телефон, чтобы поспать. Правда, мойка машины с такой погодой дело зряшное и бесполезное, через два дня опять все до самых дворников будет в брызгах. Теперь спохватившись, нажал на кнопку, заиграла музыка приветствия. И сразу же пришло сообщение, что такой-то абонент звонил вам четыре раза. Быстро набрал номер. Коллега не стал беспокоить бы его без причины, учитывая, что расстались они часа полтора как.

– Да, Вов? Что у тебя?

– Подъезжай на Северное кольцо. Зброшенные склады.

Помнишь, в сауну мы ездили в прошлом году?

– Помню.

– Мимо нее и свернешь дальше на перекрестке налево. А там уже сам увидишь патрульную машину.

– Наш труп?

– Похоже.

– Буду не скоро, стою в пробке.

– Понятно. Ждем. Хотя никакого толка нах...н. Дождина этот уже все равно уже подчистил.

– Ничего. Не дрейфь.

Кинул трубку на соседнее сиденье. Выругался трехэтажным матом, благо, что один, на водителя впереди, который медлил и ожесточенно посигналил. Ни в чем не были виноваты ни телефон, ни другой водила. Просто это был уже третий труп молодой девушки, убитых одним и тем же способом и оставленных в одной и той же позе.

Кто сказал, что маньяки существуют только в воспаленном мозгу американских кинематографистов? Как то, заинтересовавшись восторженными возгласами своего пятнадцатилетнего племянника, потратил время и посмотрел сериал зарубежного производства. Выходило, что на каждый квадратный метр их территории, приходится, чуть ли не десять маньяков.

В их случае, про маньяка сначала никто и не подумал,

но выходило, что это так. Девушек находили в одном и том же районе, окраина города, несколько километров заброшенных складов и не заброшенных, пересеченных железной дорогой. Всегда в одной и той же позе. Без одежды, все было снято, вплоть до нижнего белья. На шее борозда от удушья, при этом пользовались какой-то витой веревкой, отпечатывался затейливый рисунок. Волосы с головы срезаны, и не просто срезаны, а вместе с кожей. Темя и затылок в страшных порезах. Этот человек не был особым умельцем, поэтому где-то оставались островки кожи с волосами.

После пересмотра фотографий с места происшествия, со временем создалось впечатление, что конечная цель убийцы, не просто убить, забрать жизнь, но и их внешность, образ, вообще любой след от их существования. И жертвы лежали забытые и опустошенные, как старые игрушки. Из них выжимали все до последней капли.

Впереди, за поворотом, показались всполохи мигалок. Надо будет сказать, чтобы выключили. Хотя район здесь тихий, лишнего народа не бывает.

Захлопнув дверцу машины, немного постоял, собираясь с мыслями, и пошел к центру событий. Между высоким бетонным забором и стеной приземистого двухэтажного здания, с большими местами выбитыми окнами, в коричневой каше роились несколько человек. Девушка сидела в той же позе, что и остальные, голова немного вбок, руки безвольно лежат вдоль тела, ладонями кверху.

Остановился в метре от нее. Вова подошел сзади. Они, молча, пожали руки, и еще немного посозерцали.

– И опять здравствуйте вам!

– Кто нашел?

– Бомж. У него здесь ночлежка. Возвращался дяденька домой, если можно так выразиться, хотел спокойно распить бутылочку. А тут она. Сначала подумал, что наркоша. Голая же. Вот. Потом, подойдя поближе, понял, что мертвая. «Мертвяков», как он выразился, боится с детства. Побежал к своему дружку, который тут недалеко сторожем работает, иногда вместе квасят по ночам. Тот сначала не поверил, пошел посмотреть, впечатлился и наконец вызвал полицию. Они сидят в нашей машине.

– Хорошо. Я еще поговорю с ними. Что сам-то думаешь?

– Что, что? Все как обычно. Поза, в которой она сидит, нет одежды, вообще ничего, волосы... срезаны, тот же способ убийства и следы долгих истязаний.

Подошел эксперт.

– Ну что?

– После вскрытия все будет более точно, что тебя интересует. А пока только одно, мучилась она где-то с месяц не меньше. Убили ее не менее пятнадцати часов назад.

– Тогда все.

Мужчина кивнул и отошел в сторону.

– А что теперь скажешь?

– Ничего нового. Мучает он их месяц. Хотя с первой жерт-

вой чуть дольше. Приноравливался. Кстати, с этой нам повезло, сразу среди «потеряшек» нашлась. Ее матери я уже позвонил.

– Да. Надо будет завтра к ней с утра съездить.

– Я уже договорился с ней.

– Хорошо. Надо будет показать ей фото последних девушек, может, они знакомы. Вдруг повезет.

– Вдруг.

В машине, где он устроился на переднем сиденье, воздух уже пропитался несколько затхлыми ароматами. Мужичок в драной курточке и с сизыми коленями, выглядывающими из разодранных на коленях штанин, любовно обнимал чекушку и боязливо поглядывал по сторонам. Рядом с ним сидел более прибранный и подтянутый мужчина, но со следами частых возлияний на лице, отеки и лопнувшие маленькие капилляры.

– Здравствуйте. Изотов Глеб Николаевич.

И раскрыл удостоверение, но на него обычно мало кто обращал внимание.

– Назовитесь, пожалуйста.

Первым отозвался более прибранный.

– Рыбаков Семен Петрович. Мои данные уже записали.

– Ничего еще раз запишем.

– Я работаю тут недалеко Стахановская восемь, сторожем.

И подтолкнул в бок бомжа, от чего тот чуть не выронил свою чекушку.

– А я... Владимиров Василий Владимирович. Иногда ночью, в этом здании. Хорошее было место, а теперь близко не подойду.

– Расскажите когда, как вы обнаружили тело.

– Как? Шел от Семеныча, он отказался со мной выпить. Ну, думаю и один справлюсь. Захожу значит через ворота, а она сидит...

– А как долго вас не было здесь?

– Я ушел, где то около часа дня. Дружок подработку на рынке обещал, машину разгрузили, он мне деньги отдал. Мы за это дело немного накатили, и я обратно пошел пешком, по дороге вот в магазин зашел. А больше нечего сказать. Никого не видел, ничего не слышал. Даже ближе метра к ней и не подходил. А когда Семеныча позвал, то вообще за забором ждал.

– Понятно. А вы Семен Петрович? Наблюдаете только за зданием или территорию тоже обходите?

– Территорию тоже обхожу. Но сегодня я в ночную смену с восьми вышел. Чуть пораньше сегодня пришел где-то в семь тридцать вечера и почти тут же обратно Василий прибежал весь трясется, говорит, что во дворе через несколько зданий труп. Я не поверил, но пошел посмотреть. А потом вернулся, вызвал милицию.

– Хотелось бы тогда поговорить еще с вашим сменщиком. Укажите вот здесь его данные и смены.

– Хорошо. Но вряд ли он чего видал. Мы находимся на

другой стороне, да и далеко, забор высокий.

– Ничего, поговорим, разберемся.

Позже, уже сидя дома, он раз за разом прокручивал их образы у себя в голове. И не мог понять, что в них такого? Повторяющийся момент, что-то общее.

Забыть в этот раз было особенно тяжелым и беспокойным. Будто вязкое болото, в которое понемногу погружаешься. Сначала не замечая, а потом уже поздно что-либо предпринимать, трясина уже плотно обхватила тебя, не отпускает и, от лишних движений, лишь еще глубже опускаешься. Так и здесь.

Он шел по коридору, открывая одну дверь за другой, то ли в какой-то заброшенной квартире то ли в доме, непонятно. Сначала, за этими обшарпанными деревяшками с отслоившейся краской, не было ничего кроме мебели, ободранных обоев и мусора. И никаких окон, только стены. Тишина, давящая на уши. Никаких звуков, скрипа половиц или дверей, шорохов, шума труб. Ничего. Открылся очередной проем в комнату. Господи! Сколько же их тут? Этих дверей.

На кровати сидела первая из убитых девушек, брюнетка, судя по оставшимся островкам волос и бровям. Черты лица мелкие, как будто еще не до конца развитые. Он моргнул. И будто запечатлел ее как на фотографии. В следующем помещении другая девушка, вторая, миловидная, похоже, что раньше у нее были шикарные темно-коричневые куд-

ри, в самом низу затылка осталась не срезанная прядь. И вот последняя дверь, в конце длинного коридора. Сегодняшняя жертва, с довольно крупными чертами лица, пухлыми губами. Блондинка, натуральная, брови и ресницы светлые. Голова ее, свесившаяся набок, как и у других, вдруг повернулась. Хоть глаза были закрыты, но было тяжелое ощущение от взгляда, как будто изучающего его, проверяющего, кто вошел сюда. Губы шевельнулись:

– Помоги мне...

Он резко открыл глаза и несколько секунд не мог понять, где находится. Ах, да. Дома в своей постели.

Протянув руку, нащупал провод от ночника и нажал на круглую кнопку. Кровать и тумбочка около нее оказались в кружке света, стало сразу легче дышать. Вроде раньше кошмары никогда не мучили, а приходилась видеть трупы и в более непрезентабельном виде.

Полежал еще немного и понял, что больше не заснет. Опять протянул руку и, немного пошарив по гладкой поверхности тумбочки, ухватился за кожаный ремешок часов и поднес к глазам. Перевернулся на бок, чтобы не отсвечивало в стекле. Черт! Четыре утра! Нет бы, еще поспать. Откинулся обратно на подушку. Придется вставать.

Контрастный душ привел немного мысли в порядок, исчезла серая дымка. Включив свет на кухне, он выглянул в окно. Покачав головой, отошел к плите. Как минимум треть окон в соседних домах светилась желтоватым светом. Где

то были видны только призрачные мелькающие тени, видно смотрели телевизор. Сколько людей страдает бессонницей!

Насыпав побольше кофе в турку, поставил ее на медленный огонь. Зашел в комнату и натянул свитер. Отопление еще не включили, и в квартире было влажно и холодно.

Кофе в турке начинал закипать. Посмотрел в хлебницу, ничего. Только крошки на дне. В холодильнике тоже почти пусто, не считая томатной пасты, уксуса и подсолнечного масла на полочке в двери. Без всякой надежды заглянул в морозилку. На одной полке какая-то перемерзшая рыба, а на другой, аллилуйя! Упаковка котлет. Видимо сестренка в последний свой приезд решила оставить ему хоть немного съестных припасов. В ящиках даже нашлись макароны. Уже отлично.

Кофе оставалось всего на пару глотков, когда он вспомнил свой сон. Как они появлялись одна за другой, сидящие на кроватях. Вот, что ускользало все время. Создавалось впечатление, что их подбирали специально по цвету волос. Все с разными, натуральными оттенками. Может это имеет значение, а может, и нет. Волосы у всех некрашеные, это сразу заметно. Важно это для него или нет?

Смена заканчивалась, и Семен Петрович озабоченно посмотрел на часы. Если этот парень задержится еще на пять минут, то он опоздает на автобус, последний, между прочим. Что потом на такси ездить? Пенсии и так ни на что толком

не хватало, вот приходилось сторожем подрабатывать. Сегодня, слава богу, не его ночная смена.

Послышались быстрые шаги, и появился молодой человек. Ну, не такой уж и молодой. Семен Петрович ни как не мог понять, почему почти тридцатилетний, здоровый мужик работает сторожем. Можно было бы уже найти что-нибудь посерьезнее. Когда студенты подрабатывают это ясно и понятно, тяжело теперь им. А этот что?

– Добрый вечер, Семен Петрович!

– Добрый. Опять задержался.

– Простите.

– Что мне с твоего простите?

Серые глаза за стеклами очков смущенно потупились. Старик побряхтел еще немного и, взяв небольшую спортивную сумку, направился к выходу.

– Ладно, спокойной ночи тебе.

– Спасибо, и вам.

Молодой человек проследил за тяжело шагающей фигурой, теперь уже с другим выражением на лице, злобы и презрения. Знал, что сменщик не обернется. Старался, конечно, обычно поддерживать достаточно ровные отношения, чтобы к нему не приставали с нравоучениями. Их хватало и дома. Хотелось бы вообще оградить себя от общения с другими людьми, но это невозможно. Нужно работать, кормить мать, платить за квартиру, лекарства. Черт! Как же все достало. И этот старик тоже. Опять оставил крошки по всему столу

и круглые следы от кружки. Такое ощущение, что он делает это специально.

Достав из сумки салфетки, аккуратно промокнул чайные брызги и стряхнул крошки сначала в другую салфетку, скатал комочек и в ведро. Облегченно вздохнул. Протер сиденье кожаного стула. Можно и присесть. Извлек из отдельного кармашка ручку и заполнил журнал, поглядел на часы. Обход через пятнадцать минут.

Нет, не стоит начинать, а то прервется на самом интересном месте. Лучше подождать, ожидание наполняет тело животельной силой, сразу чувствуется невероятный подъем.

Криво улыбнулся. И работа пригодилась, не совсем бесполезным оказалось его пребывание здесь. Знание местности, то есть близлежащих заброшенных и не совсем складов, очень помогало. Минуты тянулись мучительно медленно. Наконец, в очередной раз, взглянув на циферблат, поднялся и, подхватив фонарик, направился вглубь территории.

Вернулся и, заполнив журнал, извлек из сумки небольшой ноутбук. Любовно погладил корпус и открыл крышку. Из бокового кармашка появились пакетик с ватными палочками специальными салфетками для компьютера. Были тщательно протерты экран, клавиатура, каждая кнопочка. Ведь это главный его друг и помощник во всех делах. Если с ним хорошо обращаться, то сделает намного больше для исполнения твоих желаний, чем какой-либо другой человек. Через его экран можно попасть в мир совсем иной, чем существу-

ющая реальность. Где становишься тем, кем захочешь, а не тем, кого тебе показывает зеркало каждый день. И забыться, наконец, забыться. Хоть ненадолго выйти из порочного круга. Ведь внутри он совсем не такой.

В душе так много невысказанного, окружающие люди совсем не понимают и даже не хотят понимать или просто выслушать. Внешность становится для многих «крестом» на всю жизнь. Милостивая блондинка останется симпатичной «куклой», которую не воспринимают всерьез. Парень огромного роста и мощного телосложения у большинства будет вызывать чувство страха и желание обойти стороной. Хотя, любимый досуг этого «громилы», вышивание крестиком. Нет, никому не интересно заглянуть под обертку.

Так же случилось и с ним. Среднего роста, худощавый, с бледными непонятного цвета волосами, бровями и ресницами, в огромных очках такие всегда становятся объектом насмешек еще с детского сада, не говоря уже о школе.

Ватная палочка от яростного трения сломалась пополам. Выкинув ее, взял другую и снова принялся за дело.

Возможно, что одноклассники и другие подростки относились бы по-другому и со временем приняли в компанию. Только материнская навязчивость и чрезмерная опека были сильнее всего. Капитолина Георгиевна была всегда железно уверена в своей правоте. Провожала сына школу каждый день. Встречать не всегда получалось, работу никто не отменял. А матери одиночке было трудно воспитывать и подни-

мать ребенка.

Отца он никогда не видел. О нем никогда не говорилось. Даже в сердцах, ругая сына, мать не говорила фразы, которую часто слышишь: «Весь в отца, такой же...».

Родительница была очень уперта. Лишь в седьмом классе удалось отвоевать бурными истериками право самостоятельно ходить в школу, без провожатых. Пришлось использовать весомый аргумент, отказаться идти в школу. Образование считалось самым важным в жизни, поэтому ему уступили. Он должен был учиться, быть умнее всех, другие дети почти поголовно дебилы, но не ее мальчик. Нужно учиться, только учиться, этим ты добьешься всего в жизни, поднимешься над толпой, серой массой. Вот, что ему внушалось.

И иногда казалось, что, да, так и есть, так и должно быть. Другие глупы, живут простыми, примитивными радостями. Купить жвачку, дернуть за косичку Ленку из параллельного класса, а потом ходить гоголем. Это его не очень интересовало. Лишь видя, как мамы и папы целуют в щеку непослушное чадо, а оно уклоняется и гримасничает, вроде, что я маленький, никаких нежностей, хотелось закричать: «Отдай мне, если тебе не нужно! Ты избалованный вниманием, а глуп, как пробка. Не понимаешь, какое это счастье!»

Его кормили, одевали, снабжали всем необходимым, но не было нежности в отношениях, любви, внимания. Только ощущение, что он для матери эксперимент. Сможет ли она воспитать сына достойного себя. И получение образования

было в системе ценностей на первом месте. Двойка почти, что смертный грех. Тройку еще можно было отмолить и получить прошение.

Лишь один раз в его дневнике появилась двойка. Этого никогда не забыть. С легким сердцем отдав тогда дневник матери, пошел обедать. Сел за стол, сначала помыв тщательно руки с мылом. Взялся за ложку и уже хотел зачерпнуть супу, когда увидел, как стремительно она идет на кухню. Капитолина Георгиевна всегда была очень спокойной и разговаривала ровным голосом, лишь иногда повышая интонации для выделения отдельных слов. В общении с сыном было то же самое. И максимум на что он рассчитывал это строгий выговор. Но ошибся, все получилось совсем иначе.

– Ты получил двойку?

– Да, мама.

Размахнувшись, она дала ему подзатыльник. От неожиданности голова резко качнулась, и мальчик упал со всего размаху лицом в горячий суп. Достав из тарелки визжащего и плачущего ребенка, протерла полотенцем его лицо.

– Пошел спокойно есть. И даже не повел себя, как мужчина. Нужно было самому рассказать. Вот значит, как ты платишь за все внимание, что я тебе уделяю. Единственное, что от тебя требуется, это хорошо учиться.

Потом откуда-то появился широкий кожаный ремень. Удары были не по заднице, а вдоль спины. Видимо, чтобы потом он смог спокойно сесть в школе, и никто ничего не

заподозрил. Каждый раз, когда опускался ремень, проговаривались слова:

– Надо хорошо учиться.... Надо хорошо учиться.... Надо хорошо учиться...

Экран ноутбука засветился, он вздрогнул. Нет, ничего нет. Ни матери с ремнем, ни стола с тарелкой супа и красными брызгами от борща по всей поверхности, ни откинутого стула.

Потер лицо, как будто снимая с себя пелену прошлого. Теперь все по-другому. Страничка в интернете загрузилась. Вот новая жизнь, совсем другие горизонты.

Интересно, ответила ли девушка, которой он написал вчера? Симпатичное лицо, не слишком много косметики, хотя на фотографии трудно разобрать. Увлечения, что у нас тут. Так, чтение, это хорошо. Любимые авторы, в основном современные, мало классики. Но не страшно, главное, что с человеком, который хоть немного читает, уже есть о чем поговорить.

Сейчас, сейчас.... Да! Прекрасно! Она ответила. Милая, прекрасная девушка с рыжевато-золотистыми волосами и карими большими глазами, похожая на пугливую лань. С ней все получится не так быстро и легко, как с другими. В этот раз будет больше удовлетворения от проникновения в ее мысли и интересы. Эта другая.

Серая, старая хрущевка была почти не видна из-за стены

дождя. В машине было тепло и не хотелось выходить, зонта не было. Да и смысла не было в нем, до подъездного козырька не далеко.

Идти не хотелось. Это дело стало для него слишком... Что слишком? Непонятно даже ему самому.

Подъехала еще одна машина. Подождав немного, открыл дверцу и, захлопнув, быстренько добежал до козырька, тренькнула сигнализация. В здание они вошли вместе Вовой.

– Здорово! Ну и погода!

– И тебе здорово жить и не тужить. Чему ты удивляешься? По-моему такая погода уже неделю держится.

– Не бухти и так тошно.

– Ага.

– Чего мрачный? Можно подумать в первый раз.

– Не в первый. Какая квартира?

– Двадцать третья. Это на третьем этаже. Зовут женщину Тамара Львовна.

– Понятно.

Побитая плитка, в углах паутина, стены окрашены, почему то на всех этажах в разные оттенки зеленого, где-то посветлее где-то потемнее.

– Как в дурдоме. И почему считается, что зеленый цвет больше подходит для окраски общественных зданий? Что школы, что больницы....

– Без понятия.

Нужная им дверь, в отличие от соседних, не была современной железной и выделялась. Из-под старого дерматина, местами порезанного или истертого от времени, выглядывал желтый поролон. Не сравнить с новыми, глянцевыми, отличающимися серебристым тусклым светом. Кнопка звонка продавлена. На звучные трели открыли сразу же, будто ждали под порогом.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Тамара Львовна?

– Да, проходите.

Женщина лет пятидесяти попыталась посторониться в узком коридорчике, чтобы они прошли, но это было подобно цирковому трюку, поэтому оставив это, прошла в комнату.

– Я ждала вас. Хотя, если честно, до сих пор не могу поверить.

– Мы все понимаем, Тамара Львовна. Но вам все равно нужно будет посмотреть фотографии. И ответить на вопросы.

– Да, конечно.

Они присели на диванчик. Поправив подол ситцевого домашнего халата, она сложила ладони на коленях и подняла на них несчастные глаза.

– Когда вы обратились в милицию о пропаже дочери?

– На следующий же день. Но его сразу не приняли, через три дня. Может это не она?

– Может быть. Но нужно убедиться.

Пальцы на голубой ткани в сиреневый цветочек сжались в замок.

– Успокоительного может быть, выпьете?

– Нет-нет. Я уже до вашего прихода выпила таблетки. Хочу поскорее убедиться. И все....

– Хорошо.

Из кожаного потрепанного портфеля были извлечены фотографии, разложены на небольшом журнальном столике. Женщина достала очки из футляра, протерла их платочком и медленно одела. Невозможно было смотреть как, осторожно прикасаясь только кончиками пальцев, она пододвигает снимки к себе, вглядывается с затаенной надеждой.

Он отвел глаза и посмотрел на сослуживца. Тот лишь терпеливо и вежливо ждал. «Черт! Осталось только сесть рядом с ней и зарыдать, как в мексиканском сериале. Это ничем не поможет». Обвел взглядом комнату, гостиная и спальня в одном флаконе, раскладной диван. Новыми из мебели были только диван с креслом, да телевизор. Старый сервант, за мутным стеклом виднелась посуда еще советского производства, в ряд выставленные рюмки, разных размеров и форм, бокалы для шампанского и вина. На следующей полке чайные чашки, блюдца, конфетница в которой лежали какие-то бумаги, на нижней полке салатник и стопка тарелок опять же с бумагами.

Общий вид комнаты был опрятный, чувствовались тепло-

та и уют. На диване и креслах вязаные салфеточки. Обои в милый цветочек, на полу палас. В его квартире все ковры и паласы были давно убраны и свалены невразумительной кучкой на закрытой лоджии, которая служила кладовкой, некогда было их пылесосить.

– Да, это Риточка..., – женщина медленно втянула воздух, – Я... Может, чаю хотите?

– Не откажемся. Тамара Львовна, может мы, пока вы чаю наливаете, ее комнату осмотрим?

– Хорошо.

Они кивнули одновременно и разошлись с хозяйкой в разные стороны от стола. Вторая комната была похожа на длинный пенал, что очень характерно для квартир с такой планировкой. У окна стол с компьютером. На окнах не было цветов как в соседней. Мебель вся новая. На полочках над столом больше побрякушек и фотографий чем книг. Их всего несколько, парочка любовных романов и учебники. Еще два толстых фотоальбома. Разных размеров мягкие игрушки, косметика, бумажки с заметками. В легких рамках из стекла фото симпатичной блондинки с длинными волосами. Широкая открытая улыбка, кокетство в позе. На другом снимке, уже с подругой в обнимку, дальше с мамой и еще видимо с какими-то родственниками, выражение лица более сдержанное.

На подоконнике лежала косметичка. Заглянув в нее, Вова тихонько присвистнул.

– Да уж. Еще косметика. Никогда не понимал, зачем женщинам столько косметики? Куда они ее накладывают? Или намазывают?

– Без понятия, я ей не пользуюсь.

– Я бы перестал с тобой общаться, если бы пользовался.

В ящиках тоже не было ничего интересного в основном тетради, ручки, опять куча листочков. На некоторых записаны номера телефонов и имена, но никаких пометок кто это, зачем они нужны были Рите. Записной книжки не было, дневника тоже. Только куча распечаток по учебе и какие-то дамские журналы в самом нижнем ящике.

Он загрузил компьютер, пока Вова заглядывал в шкаф и потрошил полки, потом проверил диван.

– Ничего.

– А что ты искал? Имена, пароли, явки?

– Нет. Может что-то типа дневника. Обычно его прячут от мам.

– Это, верно, не стоит проверять стойкость ее нервов своими откровениями.

Со стороны кухни послышались осторожные шаги. Женщина остановилась в проеме, но в комнату не вошла, с грустью глядя на их попытки что-то найти.

– Я сама уже несколько раз пересмотрела ее вещи. И участковый тоже. Искала, может какие-то номера незнакомые или другое.

– А так, все номера, которые тут на бумажках записаны,

вам знакомы?

– Скорее имена. Это в основном бывшие одноклассники и ребята, с которыми она в институте учится.

– А где училась Рита?

– В институте, что на Володарского находится, не могу вспомнить, как он точно называется, рядом с площадью. На экономиста.

– Туда сложно попасть.

– Да. Она умная девочка, хоть и немного ленивая. Больше ее интересовали романы да всякие такие же фильмы о любви, могла всю ночь читать. Я сама только училище закончила. Хотелось очень, чтобы дочь в люди выбилась.

Немного замаявшись, она отвернулась

– А постоянного молодого человека не было?

– Нет. Ей все принца хотелось, как в романе. Конечно, кокетничала, ходила иногда на свидания, в кино. Но ничего серьезного. И я ей все время твердила, что торопиться ни в коем случае не стоит. Господи...

– Здесь на фотографии она с подругой?

– Да. Это Марина. Они еще со школы дружат, живем в соседних подъездах.

– Она в данный момент дома? Не знаете?

– Вряд ли. В том же институте учится, только на другом факультете. Скорее всего, сейчас на парах.

– Запишите, пожалуйста, на этот листочек данные института, где Рита учится. Группа, курс, может, вспомните кто

методист. И адрес с фамилией и именем Марины.

– Хорошо.

Прошуршали шаги. Над ухом засопели.

– Ну, что нарыл?

– В файлах вроде нет ничего криминального. Она не спец-агент израильской разведки. Фотографии, музыка, папки забиты информацией по учебе.

– Посмотри, какие сайты у нее в закладках.

– Без тебя бы не допер.

– Ну, извини, извини.

– Лучше иди, спроси, часто ли Рита дискотеки посещала, какие и с кем ходила.

– Без тебя бы не допер.

– Ну, извини.

Вернулся опять к экрану. Как он их находит? Девушек? Самый простой способ сейчас это конечно интернет. Но Рита, при всей своей кокетливости, не очень похожа на особу неразборчивую в знакомствах. Скорее наоборот. А тем более встречаться с человеком, с которым познакомилась в интернете. Слишком рискованно, может оказаться кем угодно. При самом лучшем исходе просто не симпатичным.

Так, контакт. Слава Богу, пароль уже забит, чтобы не набирать каждый раз. Сообщения. Молодых людей не так, чтобы много. В основном однокурсники и одноклассники, как и говорила мама. Не то. Совсем.

Что еще? В закладках учеба, романы, платья «по супер це-

нам!», «как похудеть за две недели», «маска для...». И тому подобное. Уф... А вот это интересно! Сайт знакомств «love \story». Переписка сохранена и куча новых сообщений. Надо думать, такая красавица. Но одарила она своим вниманием только четверых.

Сергей, двадцать один год, весы. В сообщениях ничего примечательного, не значащий абсолютно ничего треп. Чем занимаешься, да, где учишься, что любишь? После небольшого знакомства поступило предложение встретиться и пообщаться в реале. Девушка ответила уклончиво ни «да», ни «нет». Всегда так отвечают, когда на самом деле не хотят встречаться. Все ясно, дальше.

Андрей, двадцать четыре года, близнецы. Опять та же канитель треп, треп, треп. Немного дольше, чем в прошлом случае. Видимо, парен сразу не просек к чему дело идет. Следующий.

Виктор, двадцать девять лет, дева. Вот это уже интереснее и горячее. Вначале шло длинное сообщение от него, которое не впечатлило бы мужчину, но девушку, мечтающую о большой, светлой, романтической любви, вполне.

Быстро посмотрев последнего визави, понял, что ничего нужного и вернулся к разговорчивому Виктору. Возможно, это тот, кто ему нужен.

Переписка была довольно бурной. Сравнивали свои музыкальные пристрастия, какие фильмы нравятся. Единственное, что было странным или показалось странным, манера

изложения молодого человека. Длинные, путаные предложения, в которых он пытался описать свой характер и свой внутренний мир. Так старался, что складывалось несколько обратное впечатление. Что-то натужное, напускное было в них. Но Рите нравилось, она с интересом задавала все новые вопросы и сама стала отвечать под конец более откровенно.

В последних их сообщениях он увидел то, что и ожидал увидеть.

Виктор: «Может, встретимся? Нам будет проще понять друг друга. И узнаем получше. Что скажешь?».

Рита: «Хорошо, давай».

Виктор: «Тогда у кафе «Рапсодия» рядом с площадью? Ты знаешь, где оно находится?».

Рита: «Да. Знаю. Завтра я учусь до пяти».

Виктор: «Тогда может в семь?»

Рита: «Отлично. Буду ждать».

Фотография Виктора имелась, но была очень расплывчатой. И совсем не обязательно, что она его. Скорее всего, чужой снимок. Возможно, с адресом в интернете больше повезет, но тоже не факт. Если парень не дурак, то подставляться не будет. Списав на листок адрес сайта, выключил компьютер.

Оставалось совсем немного времени. Я видела, как добрая часть нашего дружного коллектива все чаще посматривает на часы. Можно подумать секундная стрелка от это-

го будет вертеться быстрее. Для меня последние полчаса на работе были самыми тяжелыми. Пытаясь создать иллюзию бурной деятельности, нужно было незаметно начинать собираться, чтобы, когда стрелка, наконец, доползет до нужной цифры, сорваться и быть в числе первых у лифта. Иначе придется ждать следующей загрузки, а в этот промежуток времени рядом может пробежать начальство и привлечь еще к каким-нибудь работам. Можно было и по лестнице, но напрыгало спускаться с седьмого этажа.

Работаю я, не пойми кем в офисе моей тетки. Числюсь каким-то офисным сотрудником. Разгребателем бумаг, проще говоря. Что-то вроде секретарши скрещенной с уборщицей. Но в виду того, что определить как, же меня обозвать, никто не мог, то пришлось стать общей собственностью. Вот и сегодня вечером на моем столе громоздились кипы бумаг, которые нужно было подшить, перепечатать, поправить, исправить...

Остервенело, раскладывая их по новым кучкам, чтобы завтра не перепутать кому, что и куда, наклеила на папки бумажки. Посмотрела еще раз с надеждой на часы. Черт! Без двадцати. Пять минут назад было без двадцати минут семь. Немного попыхтев, открыла на компьютере пасьянс, что еще было делать, надо же как то скоротать последние минуты, начинать новую работу бессмысленно. Карты не складывались. Прошло еще минут пять. Очень хорошо, готовимся к низкому старту.

Мысли неожиданно потекли в другом направлении. Вернусь домой, приготовлю какой-нибудь нехитрый ужин, возможно, опять пельмени, не помню, остались они у меня или нет. И усядусь за компьютер, развею хоть немного осеннюю депрессию. Парень, который написал мне длинное сообщение, вроде бы ничего. Хотя по фотографии толком не разберешь. На ней он в зимней куртке, с надвинутым на лицо капюшоном. Помнится, я проповедовала истину, что внешность не главное, но листая странички на сайте, в первую очередь смотрела на нее. Но и то, что пишут в анкетах, очень интересовало. Если парень пишет, что любит романтику, ночные прогулки, а также через запятую в одном ряду тяжелый рок, гонки, бои без правил и т.д., то тут что-то не вяжется. В то, что человек такой разносторонний верится с трудом.

В случае с моим новым интернет другом, хотелось общаться. Немного показалась странноватой его манера изложения. Пишет длинные, сумбурные сообщения о том, каким он является на самом деле. Много, много слов, из которых сложно было уловить общий смысл. Только по фразам удавалось понять, о чем же, о чем, так старательно пишет этот человек. Вообще мнение о личности я предпочитаю составлять сама и не очень понимаю, когда пытаются переубедить, что нет, «я на самом деле не такой, а вот такой, ты просто неправильно восприняла...». Ну как неправильно. Разве можно в таком контексте точно определить правильно тебя человек

понял или нет.

Спиной почувствовала напряжение атмосферы и оглянулась. Начальство шествовало мимо столов к своему кабинету, что означало задержку на работе как минимум еще на полчаса. Все приуныли и взялись за недоделанные, брошенные, на середине или почти в конце, дела. Тоже потянулась к своим папкам, но была остановлена фразой:

– Зайди ко мне.

«Ох, ты блин! Может кто-то пожаловался? Да, нет.... Вроде я все вовремя сдала, все документы.... Тогда, что? Странно». Но учитывая, что мы все-таки близкие родственники, вопрос мог касаться личных дел, а не рабочих.

Больше всего мне в нашем офисе нравились большие окна. Присев на стульчик рядом с рабочим столом, устремилась взглядом туда, за стекло, на волю. Хот ничего там не было, только точно такие же окна, такого же офиса. Где уже вовсю сновали люди, собираясь, домой. И выглядывали со своей стороны стекла, пытаюсь понять какая погода, вдруг опять дождь. Видели нас, еще влачащих свое жалкое, офисное, рабочее время.

Тетка порылась в сумке и, достав навороченный телефон, положила его рядом с собой.

– Как хоть твои дела? А то только по работе общаемся и все. Уф. Как же я сегодня устала.

– А что случилось?

– Да, что могло случиться? Все то же самое, борюсь с ад-

министрацией нашего города. Такое ощущение, что им доплачивают, если они работают медленнее обычного.

– Да, ничего не изменилось.

– У меня да. А у тебя?

– Нет, ничего. Работа, дом, работа, дом....

– Какой дом? Твоя халупа, что ты снимаешь, не стоит этих денег. Жила бы у меня, в самом деле, хоть веселей. Дома я редко бываю. И тебе немного сэкономить можно было бы.

– Теть Лен, мы этот вопрос уже обсуждали. Мне так удобнее.

– Хорошо, хорошо. Парень, что ли у тебя появился? Раз ты так противишься.

– Да нет у меня никакого парня.

– А пора бы уже.

Что можно на это ответить? Вытянуться в струнку, козырнуть и проорать: «Есть! Пошла искать!».

Тут стоит сказать, что Елена Викторовна, мой единственный близкий родственник, кроме каких-то троюродных теть и дядь с папиной стороны, живущих в соседней области. Родители мои умерли, сначала мама после инсульта три года назад. Пришлось ухаживать за ней и бросить институт. А год назад умер отец от сердечного приступа. И меня, необразованную сироту, тетка призвала из маленького городка в центр области. Деньги от продажи родительской квартиры ушли на покупку комнаты, ее сдавала. Это помогало сводить концы с концами.

Пока я была занята своими грустными мыслями, разговор, оказывается, продолжался.

– ...И вот, если ты завтра ничем не занята, заходи в гости. Поедим, поговорим о том, о сем.

– Хорошо.

– Только оденься поприличней.

– В смысле?

– Ну. Платье какое-нибудь....

– А зачем?

– Зачем, зачем.... Господи, ты, боже мой. Я тебе уже минут десять объясняю, что у меня завтра будут гости. В основном по бизнесу, конечно. Но и среди них есть подходящие личности.

– Подходящие, для чего?

Последовал тяжкий вздох.

– Не для чего, а для кого. Для тебя тугодумка.

«Спасите. Помогите! Так и вспоминается русская народная песня: «Как хотела меня мать, да за ... отдать». Не надо меня отдавать и созывать парад женихов. Может заболеть, сбежать в Канаду, отключить телефон, выдумать подругу, страдающую страшным недугом?».

– Есть совсем неплохой вариант. Он, конечно, чуть постарше тебя, но десять лет не так уж и много. Зато бизнес налаженный, доход стабильный. Никаких бывших жен с детишками...

– Имущество, не отягощенное обязательствами пред тре-

твыми лицами.

– Что?

– Да, так ничего. Теть Лен, я думаю мне лучше никуда не идти и оставаться дома. Ведь замужество, это не сделка купле-продажи, в самом деле.

– Зато будешь за ним как за каменной стеной. А это много значит, моя дорогая. Не то, что я мучилась со своим алкашом.

– Теть Лен, если вы больше не можете предоставлять мне место работы так и скажите, я пойму.

– Тьфу, на тебя! Хотела как лучше.

– Извините.

– Не извиню, если завтра не придешь, точно выгоню с работы.

– Я... Ладно, хорошо. Во сколько нужно быть?

– К пяти подходи.

Мы звонко расцеловались и, она тут же потянулась к телефону, а я к двери. В окнах соседнего здания свет уже не горел.

Ввиду плохого настроения я прошла мимо продуктового магазина и вспомнила об этом уже, когда разувалась в коридоре. Немного похныкав о своей тяжелой судьбе, кинула сумку на тумбочку в прихожей и, достав телефон из кармана пальто, прошла на кухню. Ничего хорошего меня там не ожидало, но попытать удачи стоило. Чай, как программа ми-

нимум, хотя бы. Хорошо, что завтра не на работу, схожу с утра в магазин, затарюсь.

В плетенке лежали несколько кусочков засохшего хлеба, а в холодильнике остатки плавленого сырка. С подозрением приняв себя к нему, решила рискнуть. Есть очень хотелось. Заесть свое негативное отношение к ситуации, в которую попала. Единственный плюс от завтрашнего мероприятия – прилично поем нахалаяву.

Понятно беспокойство тети. Ей хочется видеть меня пристроенной, всем обеспеченной. А то я для нее, как постоянная несведенная в бухгалтерской ведомости строчка. Маячу и маячу перед глазами. Она со своим решительным характером, старается побыстрее решить любую проблему. «Господи! Уже думаю о себе, как о проблеме. Ужас!».

Все подружки остались в родном городе. Семьи, дети, приехать ко мне не было никакой возможности. «Надо в отпуске обязательно к ним выбраться. Наплевать на все. Хоть наговорюсь от души».

Успокоенная этим решением, я положила бутерброды на тарелочку. В кружку налила аккуратно кипятка. Все составила на поднос и понесла, компьютер уже загружался. Теперь он мне заменял подруг и веселые большие компании. Студенческая жизнь... Легко улыбнулась, вспомнив, как мы смеялись, чудили, переживали, как сдать экзамен. Прятали шпоры в рукав или голенище сапога, хохотали, пытаюсь снять напряжение, перед дверью кабинета, с опаской выби-

рали билеты. Тогда была одна проблема – несчастливый билет. «Тетя права. Нужно начать выходить куда-нибудь. Пусть может и неудачно сначала. Но все-таки общаться с живыми людьми. А не с компьютером».

– Кстати, на счет выхода!

Я открыла дверцу шкафа и немного попялилась в его недра, прекрасно зная, что того что ищу там нет.

– Незадача. Что делать то? Не пойду же я на светский раут в свитере и джинсах или трикотажном сарафане?

Пролистала список номеров в телефоне. О, Вероника! Наша главная красавица в офисе. Общалась она со мной в основном по доброте душевной. Должна же королева сирым и убогим тоже уделять внимание.

– Привет, Вероника! Не отвлекаю? Извини. У меня к тебе огромная просьба будет.... Да? Уже знаешь? А-а-а, Елена Викторовна тебе звонила. Даже просила проконтролировать? Обалдеть, какое внимание, – «Не иначе нефтяной магнат на вечере будет. Ноги что ли побрить?». – Да, да, слушаю. Ага, хорошо, завтра подъеду. К обеду. Нет? ... А зачем так рано? Программа обширная? Хм, спасибо тебе огромное. Да, буду, не опоздаю. Пока.

Положила трубку. Как жаль, что нет сосиски или котлетки или может эклера со сгущенкой. Уже не знаю, чем и заесть то, что ощутила себя лягушкой на столе какого-нибудь ученого экспериментатора. «Так, а сейчас разрежем брюшко и посмотрим, что там внутри...». Завтра – под чутким рука-

ми нашей красоти – буду, как та самая зеленая бедняжка. Переживу, что теперь делать? Надо постараться. А то тетя успела уже целую программу для меня разработать. Нужно быть хоть немного благодарной и чуткой к ее заботе. Нужно.... Ненавижу это слово.

Рука автоматически потянулась к мышке. И так, забудем о предстоящем завтра унижении. Прекрасно, три новых сообщения от моего друга. Активный парень. С одной стороны это неплохо, мужчина должен проявлять настойчивость, если девушка ему нравится. И мне внимания никогда особо много не доставалось. Ни в школе, ни в институте, не было стайки мальчишек ждущих у двери. Никто не провожал до дома, не тащил мой портфель, в надежде получить поцелуй в щечку. Нет, мужским вниманием я не была избалована.

И сейчас, читая слова о том, что он очень рад найти девушку, которая подходит ему по интересам. Что все слова, которые я пишу, как раз те, что он ожидал. И, не смотря на то, что переписываемся мы недавно и, если честно говорить, по переписке сложно узнать человека до конца. Обсудили мы не все темы, которые он бы хотел, но все, все превосходит его ожидания. Меня только один вопрос интересовал. Насколько же этот человек одинок, что пишет такие послания абсолютно незнакомой девице?

Думаю, что очень одинок и немного не в себе. Хотя, мне ли судить, ведь я занимаюсь почти тем же самым. Пытаюсь заглушить чувство пустоты внутри общением в интернете. И

не только им. Приходя домой, включаю сразу еще и телевизор, создаю фон. Будто в квартире со мной еще есть люди. Скоро дойду до того, что заведу кошку и буду с ней разговаривать.

Что заставляет нас запираяться в «раковине» своих мыслей и фантазий и пропускать все события мимо себя? Наверное, страх реальности. Ведь самому себе ты еще нужен. А другому человеку придется доказывать свою нужность, подстраиваться, меняться. Открывать свои тайные стороны и страхи, поставить себя под удар. Дать возможность зайти себе за спину. Страх. Им, как колючей проволокой мы обвиваем заборы, высоченные заборы, вокруг себя. Ведь проще остаться одному, путь твоя жизнь будет бесцветной, но жить в относительном спокойствии...

Мысль мне не дал додумать сигнал, который прозвучал слишком громко и напугал. Пришло сообщение от моего неугомонного друга.

Д: «Привет! Как прошел день? Все хорошо?».

Похоже, увидел, что я в сети и решил брать крепость продолжительным штурмом.

Я: «Да, все нормально. Как у тебя?».

Д: «Все хорошо, раз ты сегодня здесь и мы можем пообщаться».

Я: «Очень рада за тебя».

Несколько минут провела в тишине, пожевывая бутерброд.

Д: «Вчера вроде разговорил тебя. А сегодня эффект кончился. Какое у тебя сейчас настроение?».

Настроение, как у кастрюльки стоящей на медленном огне, пузырьки начинают двигаться все быстрее, быстрее и происходит закипание.

Я: «Подумай сам, разве у человека может быть двадцать четыре часа в сутки одно и то же настроение? Нет. Я не успела и двух слов написать, а ты уже делаешь выводы. Тем более я с работы, устала и толком еще не ела. Ну как тебе, то, что я разговорилась?».

Д: «Ммм... Ну, сам факт конечно радует. Просто я ждал тебя, и вот снова показалось, что что-то не так. Я бываю паникером, когда меньше всего нужно. Извини за излишнюю прямоthu. Желаю приятного аппетита!».

Ну, и чего разбушевалась? Непонятно. Так век в девках куковать будешь, если из-за каждого неверного слова набрасываться на человека. И жаль его, ждал же.

Я: «Просто расслабься. Не нужно ждать от человека излишней откровенности или бурных продолжительных речей. Это, увы, совсем не показатель его положительного отношения к тебе. Это может быть просто привычка, так общаться со всеми. Вот и все. А мне нужно некоторое время, чтобы разговориться».

Д: «Хочу ответить тебе, про ту же ситуацию, но как она видна с моей стороны. Только обещай, что не будешь сильно пугаться».

С тем же успехом можно просить дождь не литься, а снег не падать.

Я: «Интересно, как я могу сказать заранее, что не испугаюсь? Но могу обещать, что не буду порицать или судить предвзято».

Д: «Возможно потом я буду жалеть о том, что сейчас напишу. Но ладно. Суть в том, что я вообще человек довольно адекватный, местами даже интересный. Но! Это обычно при условии, что мне, если мягко выражаться, начхать на собеседника. Или я к нему уже привык. А с тобой я сижу и пытаюсь сделать вывод из каждого твоего слова, попытаться проникнуть в твой мир, понять. Что, конечно, чушь несусветная и ничем хорошим это не кончится. Я осознаю это. И стараюсь по мере сил себя ограничивать, но не всегда получается.

Я благодарен тебе за предыдущее сообщение, это то, что хотелось бы услышать. И моя излишняя докучливость лишь исключение, которое редко проявляется, а не правило».

Я покрутила колесиком мышки, просматривая прошлую переписку. «Неужели исключение из правил? Что-то незаметно».

Д: «Предлагаю сделать вид, что никто ничего не говорил и перейти к другим вещам».

Я: «Никакой вид делать не буду. Лучше сказать, чем мы будем сидеть по разные стороны экрана, как два разведчика, с серьезной миной и пытаться понять, кто и что имел в виду».

Хотелось верить, что эти слова помогут ему.

Д: «Да, ну я просто хотел сказать, чтобы ты не придавала моим манерам большого значения. Вот и все».

Далее наша переписка пошла в обычном ключе. Хобби, где учились и работаем ли по приобретенным или нет специальностям. Мне в этой сфере похвастать вообще нечем. И распрощались уже ближе к часу ночи.

«Господи! Мне же завтра, то есть уже сегодня, на этот чертов прием! Все, спать».

Я: «Пока!».

В институте девушку застать не удалось. Видимо, в отличие от своей подруги-отличницы, она не гнушалась иногда прогуливать пары. Дозвониться тоже было невозможно. Либо номер названный Тамарой Львовной уже не существовал, либо использовался редко.

Почти весь день, проведя в институте, ничего нового узнать, не удалось. Марго, Ритка, Ритуля и т.д. Была очень веселой, заводной старостой группы. Некоторые девушки называли ее немного заносчивой и высокомерной, но скорее от белой зависти к ее милой внешности. Молодые люди в основном отзывались тоже положительно. Ни с кем серьезных отношений не заводила. Кокетничала, но было понятно, что все это не в серьез.

Просто студентка, комсомолка, умница, спортсменка, красавица....

Что тебя заинтересовало в этом Викторе? Непонятно. Его напускная эрудированность или усиленное внимание к твоей особе. Наверное, этого ее это жаждало больше всего – непрерывного, настойчивого внимания. Судя по переписке, оно примерно таким и было. Женщин не понять. Много внимания – «ты слишком настойчив, не дави на меня». Мало – «ты совсем меня забыл».

Во двор дома Маргариты, заехала черная иномарка и из нее выпорхнула девушка, похожая на ту, что он видел на фотографии. Хотя нет, «выпорхнула» это сильно сказано. Скорее выпала. Высоченные каблуки, короткое обтягивающее платье, маленькая сумочка, кожаная куртка, волосы всклокочены, макияж немного потек. Надо думать, ночь выдалась бурной. Сказав несколько прощальных слов водителю, неровной походкой направилась к дому.

«Будет ли от нее толк в таком состоянии? Да черт с ним и так день в пустую!».

Мир грез или грустных мыслей захватил Марину, на оклик не сразу обратила внимание.

– Измутьева Марина Евгеньевна? Добрый день.

Собственные паспортные данные вызвали у девушки некоторый ступор.

– Добрый.

Судя по мешкам под глазами это было преувеличение, но этикет требует. Достав из кармана удостоверение, поднес поближе к ее глазам, читать его все равно не стали.

– Изотов Глеб Николаевич, я веду дело...

– Не надо, я поняла.

– Вчера мы вас застать не могли ни дома, ни в институте.

– Да. Меня не было.

– Нужно задать вам пару вопросов о вашей подруге Маргарите.

Она с сомнением поглядела в сторону подъездной двери, потом в сторону выезда со двора на проспект. Потерла глаза.

– Не хочу домой.... Может, поговорим в кафе? Оно тут на соседней улице.

– Хорошо, садитесь в машину.

Устроившись на сиденье, Марина осторожно закрыла дверцу и поморщилась, когда он резко захлопнул свою.

– В бардачке есть аспирин.

– Нет, спасибо.

– Мне нужно, чтобы вы были с более или менее ясной головой. Так, что открывайте и ищите.

Бардачок девушка открыла и долго рылась в куче бумажек, салфеток, далее на самом дне попались перчатки, солнечные очки и, наконец, упаковка аспирина.

Пошарив рукой за сиденьем, достал бутылку минералки.

– Держите.

– Спасибо.

Водичка пришлась как нельзя кстати. «Половина бутылки за один прием. Хотя, если вспомнить себя, то полбутылки это ни о чем». Утерев рот ладонью, тыкнула пальцем вправо.

– Вон там кафе «Сказка».

– Угу.

Когда они зашли в зал, Марина поздоровалась со всеми сотрудниками, официант с улыбочкой подошел к ним.

– Привет, Маринка!

– Ой, Гош, не ори. Голова раскалывается.

– Ладно, ладно. Извини. Что будете?

– Мне кофе покрепче.

– Я так понимаю, черный и рассолу побольше?

– Иди к черту!

– А вам?

– Тоже кофе, можно без рассола.

– Гош, я воспользуюсь служебным туалетом, быстренько.

– Иди, солнце, а то ты как заспанная панда.

Когда она ушла, Гоша доверительно наклонился к нему.

– И где же вы с Маринкой так хорошо погуляли?

– Где гуляла Марина Евгеньевна, мне не известно. Я к ней обратился совсем по другому вопросу.

И сунул корочки под нос любопытному официанту.

– Простите.

Кофе был не очень. Открыв ежедневник, просмотрел свои записи, хотя это было и не нужно. Но перешептывание у барной стойки его несколько напрягло.

Дверь служебного входа хлопнула. Теперь девушка выглядела гораздо лучше: умытая, причесанная, как будто скинувшая несколько лет. Но платье и каблуки стали выглядеть как

нечто инородное.

Присев на краешек стула, сделала несколько глотков кофе и вопросительно взглянула.

– Вы хотели задать вопросы?

– Задам не беспокойтесь. Вы работаете здесь?

– Да. Подрабатываю официанткой по вечерам.

– Вы учились с Маргаритой на одном курсе, но в разных группах?

– Да.

– Давно знакомы?

– С первого класса... Нас посадили за одну парту, через полгода после начала учебного года, – она отвела взгляд, – Сорванца и отличницу. Она была такая серьезная и милая, с огромными бантами. Усердно заполняла тетради. И меня заставляла. В конце концов, я перестала, почти правда, бегать на переменах, как угорелая, и лупить мальчишек портфелем по голове. Но отличницей, как она, так и не стала. Господи!

Марина обхватила голову руками и замерла.

– Вы уверены, что это она? Это точно?

– Да. Тамара Львовна, ее мать, опознала по фотографии.

– Да-да. Она звонила мне позавчера вечером, – девушка подняла голову и посмотрела так, как будто извинялась. – Я просто не смогла к ней пойти. Хотя понимаю, что ей очень одиноко и не с кем поговорить и разделить горе. Но не смогла. Моя мать, узнав сама к ней пошла.

Помолчала немного.

– Поэтому я, сегодня несколько не в форме. Хорошо хоть встретила друзей на дискотеке. Они меня отвезли к себе ночевать. Не знаю, как дома появиться теперь.... Да какая разница?! Я просто не верю. Не верю, что это произошло с Риткой. Это какое-то недоразумение.

– Почему не верите? Объясните, какой она была?

– Потому что Ритка могла заигрывать, пострелять глазками, как все девушки. Но на свидания ходила, только с хорошими, знакомыми мальчиками. Но и, то не часто, все корпела над учебой. Давала нашим шалопаям конспекты списывать. Они ей постоянно шоколадки таскали. Но никогда не стала, знакомиться на улице или в автобусе, на дискотеке. Не так. Никаких случайных знакомств. Я все смеялась над ней, что так вот она пройдет мимо своего счастья на улице из-за своих принципов.

– А вы действуете по-другому?

Она усмехнулась.

– Не надо думать, что я какая-то разбитная девица, если застали меня с утра не в лучшем виде.

– Я об этом и не говорил. Просто противоположности притягиваются. В том числе и как друзья.

– Просто у меня несколько другая ситуация. Ее мама... Ритка была для нее единственным смыслом жизни.

– Понимаю. Расскажите про тот день, когда видели ее в последний раз.

– Была среда. Мы догуливали последние деньки перед на-

чалом учебы. Тогда я не обратила внимание на ее некоторое перевозбуждение. Подумала, что она как все отличники волнуется перед началом учебного года. Мы хотели съездить с экскурсией в Питер, планировали.

– А сейчас, что думаете?

– Что была душой. Не выпытала у нее все. Ведь мы были лучшими подругами, все равно бы рассказала, надо было надавить. Она улыбалась так задумчиво, как будто уже знала, что жизнь изменится. Что ее ждет что-то такое хорошее. Не знаю, как объяснить. А я подумала: «Ничего, завтра узнаю. Все равно не удержится, расскажет».

– Что-то еще необычное заметили? Или ранее этого дня? Перемены в поведении?

– Ничего такого. Я говорю, что она была погружена в свои мысли. На мои вопросы, что же такого происходит, только загадочно улыбалась и отвечала, что я очень удивлюсь, когда узнаю.

Подавив истерический смех, Марина еще отхлебнула кофе.

– Да, она всех удивила, это точно... Господи! Что за чушь я несу?

– Ничего. Вы возвращались вместе из института?

– Да. Почти всегда. Очень редко у нас пары не совпадали, но мы ждали друг друга в библиотеке.

– Может ее хоть раз кто-нибудь встречал? Машина, молодой человек?

– Нет. Пашка Зонов за ней на первом курсе ухаживал. Но он ухаживал за всеми мало-мальски симпатичными девчонками на нашем курсе и на других. Так, что поняв, что с Риткой ему ничего не светит, отвалил. Она переживала, но не долго, поняв, кто он такой.

– Ясно. Мы с ним уже разговаривали, вчера. Об этом Павел Зонов ничего не упомянул.

– Забыл, наверное. Такой помнит только тех девиц, которых в постель затащил.

– Или просто не захотел связываться. Ясно, но проверить, все-таки стоит.

– Пашку?

– Да. Мы всех, в общем, то проверяем.

– Понятно.

Она смотрела на него каким-то странным первобытным интересом. Так смотрят дети, в зоопарке впервые увидев бегемота.

– Что-нибудь еще хотите сказать? Были ли звонки с неизвестных номеров? Молчание в трубку или угрозы?

– Нет.... Вроде.

– Возле дома, института вы не замечали подозрительных людей? Или может вам или вашей подруге казалось, что за ней следят?

– Нет. Такого вроде не было.

– Вроде или не было?

Раздраженный взгляд в его сторону.

– Нет, не было. Мы дошли до ее подъезда, как обычно. Она еле-еле скрывала свое нетерпение, будто спешила в загс или за зарплатой. Я ее спросила: «Что на свидание опаздываешь?». Ритка густо покраснела и сказала, что почти то, о чем я думаю. Как может быть почти? И вообще, что с ней произошло? Тамара Львовна сказала, что видела фотографии других девушек.

– Это верно. Пока опознали только Маргариту.

– А сколько их вообще?

– Три.

– Из вас информацию клещами, что ли вытягивать?

– Не надо использовать орудия пыток. Всей информации я вам все равно сообщить не смогу, – он порывлся в портфеле и достал фотографии. – Посмотрите и скажите, видели вы когда-нибудь этих девушек? Может они встречались с вами, вашей подругой? Просто где-то кого-то видели?

И откинулся на спинку стула, пока девушка осторожно рассматривала снимки. Было странно, что люди боятся до них дотрагиваться, будто могут испачкаться.

– У них у всех... У них волосы срезаны?

– Да.

– Зачем?

– Пока неизвестно.

– Значит тот, кто их убил, отрезает волосы и себе оставляет?

– Да.

– Бред.... Какой-то бред. У Ритки были, конечно, красивые волосы, она их растила с пятого класса. Я тоже начала подражая ей, но это бред, – она потрогала свои тяжелые, темно-русые волосы, ложившиеся красивыми волнами.

«Да. Ею наш маньяк, тоже бы заинтересовался».

– Почему вы так на меня смотрите?

– Узнали кого-нибудь?

Пододвинув к нему снимок первой девушки, брюнетки, Марина нахмурилась.

– Не уверена, конечно. Но еще весной мы ходили с Ритой в клуб, потанцевать и вроде она похожа на одну из официанток.

– Как клуб называется? Адрес?

– На Петрозаводской, «Галакти». А что этот псих убивает всех девушек, которых на свидание приглашает?

– О других жертвах у нас пока нет сведений.

– Я не об этом спросила. Он маньяк?

– Возможно. Но большая просьба не распространяться об этом.

– Ладно.

– Вы знали, что ваша подруга зарегистрировалась на сайте знакомств?

– Да. Она говорила. Посылала мне по электронной почте самые, на ее взгляд, прикольные сообщения. Я смеялась над ней, говорила, что никого более или менее нормального там не найдешь.... А что она пошла на свидание с одним из тех

парней с сайта? И он оказался психом?

– Возможно, что да.

– Возможно, возможно. А что-то более конкретное вы знаете или можете сказать?

– Нет. Не могу.

– Когда пропала Рита. Мы, с ее матерью, всю ночь обзванивали морги, больницы, всех друзей.... А вы говорите, что ничего не можете мне сказать? Ничего конкретного? Чем вы вообще там занимаетесь?

– Своей работой. Если у вас есть какие-то конкретные жалобы, – он выделил слово «конкретные», – то можете обратиться к моему начальству. Спасибо, что уделили мне время. До свидания.

– И вам всего хорошего!

«Черт! Еще эта пигалица будет его учить! Да, ладно, не кипятись. Это просто от неизбежности, отойдет со временем».

И хлопнул входной дверью кафе.

– Марин, чем ты его допекла? Не стоит цапаться с милицией.

– Я не цапалась.

– Чего ему надо было?

– Ничего. Извини, мне нужно домой.

– Да, ладно. Может, помощь нужна?

– Нет. Спасибо! Пока!

«Помощь нужна не мне, а нашей доблестной милиции. И,

черт побери, я справлюсь без них!».

В квартире стояла блаженная тишина, мама, получившая очередную дозу снотворного, успокоилась, перестала возиться на постели.

Конечно, предстояла еще уборка. Но, ни что не могло омрачить эти несколько минут блаженства. Сегодня суббота, многие из соседей еще спят и не колотят, не сверлят, не слышен гомон детей. За окнами не так много, лениво движущихся машин. Серое небо создает приятную полутьму в комнате.

Он впитывал каждой клеточкой и порой это ощущение полного одиночества. До сих пор составляло особую трудность находиться в человеческом обществе. Чувствовать всем естественным их присутствие, их запахи, слышать. Что они говорят. Это постоянное давление со стороны, как в автобусе в толкучке. И все невыносимее с каждым разом. Запах пота, засаленные волосы, затасканные серые края воротничков, грязная обувь, вся в мутных пятнах. Тетки с огромными сумками, постоянно толкающие всех вокруг. Непрекращающиеся гудение голосов, как большой никогда не затихающий улей. Все гудят, гудят, гудят....

Встряхнувшись, посмотрел на часы. Пора начинать уборку, с маминой комнаты. Он не любил убираться, когда она смотрела своими немигающим взором за всеми его действиями, как инквизитор. Любую, даже маленькую ошибку, по-

том приходилось отрабатывать с лихвой.

В ванной лежали упаковки с чистыми салфетками из микрофибры. Какая радость, что они появились и очень облегчили жизнь. Набрал в ведро воды, надел на руки перчатки и достал две салфетки, а также с полочки жидкость для мытья стекол, сервант требовалось промыть с особой тщательностью.

Квадратная комната, прямо напротив двери окно. Он всегда прибирался по часовой стрелке от него. Сначала потирал подоконник. Цветы сносил в ванную и осторожно протирал листочки. Потом шли шкафы. С каждой полочки доставались все вещи и методично укладывались в кресло. Протереть сначала сырой тряпочкой, потом сухой. Опять аккуратно положить на место и далее следующая полка. Стойка с телевизором и сервант. Тут самое сложное. Нужно сначала переставить все рюмки, кружечки, тарелочки, салатницы, безделушки, достать полки из толстого стекла, протереть, чтобы не осталось разводов.

Налить в большой таз воды и в нем сполоснуть всю посуду. Обрато поставить полки, насухо обтереть посуду и в нужном порядке расставить. Если ошибешься, в том, на какой полке что стоит и зачем, то ждет наказание.

Все это сделано. Палас на полу. Мама не потерпит никаких пылесосов, только ручная чистка. Щетка и ведро с мыльной водой. И, наконец, завершающий этап. Тумбочка, рядом с кроватью и пол. Палас свернут, и лежит кучей в углу. Все

бутылочки с лекарствами протерты и расставлены. Пол тщательно вымыт, обратно разложен палас. Все!

Главное порядок!

Можно было в других комнатах не соблюдать подобной стерильной чистоты и жить, так как ему бы хотелось, но привычка была уже неискоренима. Подобная генеральная уборка проводилась раз в неделю. И еще разок он просто так проводил влажной тряпкой, по поверхностям спустя несколько дней. В распорядке уборки всегда первой стояла мамина комната, потом его, потом коридор, кухня и последними шли туалет с ванной. Методично меняя воду, выкидывая тряпки после каждой комнаты, он осуществлял этот ритуал.

Мама должна остаться довольна, что, не смотря на болезнь и то, что она прикована к постели, все в квартире остается как прежде.

Можно и себя немного побаловать. Надо было бы поспать немного перед дежурством, но невозможно отказать себе в этом удовольствии. Это лучше тишины, лучше всего на свете. Он знал, что эта девушка особенная, не такая как другие. С ней можно будет провести гораздо больше времени... Да, она заслуживает особого к себе отношения. Ее волосы просто великолепны на фотографии и отливают золотистыми бликами. Глаза темно-карие. Но лучше, конечно, посмотреть вблизи, чтобы полностью оценить ее красоту.

Вчера вечером их переписка резко оборвалась, но это не страшно, есть еще много времени. Был соблазн пригласить

ее на свидание уже в эти выходные. Но нет, в этот раз хотелось потянуть немного ожидание, разжечь аппетит. И с ней много неуверенности, вдруг не согласится. С предыдущими все было быстро и не интересно. Или ему уже приелось все...

Нет. Нет. И еще раз нет. Стоит написать что-нибудь приятное, пока ее нет в сети. Да. Пальцы быстро застучали по клавиатуре.

В соседней комнате послышалось шевеление. Ярость, как короткая вспышка пролетела в голове. Так всегда, когда он только начинает заниматься тем, что доставляет ему радость и удовольствие, приходится на середине прерывать эти занятия ради матери. Пальцы сжались в кулак. Нет, нет, нельзя так говорить, нельзя так думать. Ведь эта женщина посвятила ему всю свою жизнь. Кем бы он был и где, если бы не она. Все хорошо. Нужно прийти в себя и спокойно войти в другую комнату.

Там на кровати лежит неподвижное тело. Вначале была просто слабость и немощь, врач не предрекал никаких серьезных проблем. «Ничего серьезного, не беспокойтесь, ваше сердечко в таком возрасте, работает уже с трудом. Надо попить вот эти таблеточки...». А потом перестала двигаться левая половина тела. Больница, лекарства, процедуры несколько месяцев. Ничего. Когда он, перед тем как войти сюда, подавлял свои эмоции, тот факт, что она находится в полной его власти, доставлял просто колоссальное, ни с чем не соизмеримое удовольствие. Временами возникали

мысли воспользоваться этим. Наверное, почти неподвижное тело, бывшее, когда то его матерью, чувствовало это и состояние его становилось все хуже, только глаза пока оставались прежними. Изменилось их выражение. Надменность, суровость, укоризна сменились затравленностью, страхом и нескончаемой неизбежностью. А иногда полным равнодушием. И, разговаривая вкрадчивым голосом, своими намеками, полуправдами, он вызывал волну отчаяния в них, которая нарастая постепенно, огромным потоком выливалась за края, подпитывая его. Не было более полноценного способа восполнить силы.

– Мамуля?! Ты проснулась? Как хорошо, я только, что закончил уборку, все как ты делала раньше сама. Да, да я помню, сейчас будем обедать...

«Наверное, лучше было бы с утра упасть с лестницы или попасть под машину». Такие мысли крутились в моей голове, как заезженная пластинка.

Все пошло кувыркком с этого самого утра. Сначала проспала и долго пыталась собраться. Сожгла яичницу, из единственного яйца, потеряла ключи. Долго рылась среди вещей на тумбочке в коридоре, потом на столе в комнате, три раза вытряхнула сумку. Потом все-таки нашла их на кухне. Оно и понятно. Сразу же по приходу, я поплелась туда.

Конечно, в спешке забыла зонт и стояла на открытой остановке, прикрывая голову сумкой. Хотя, толку от этого не бы-

ло никакого. «Черт! Вот и надо оно мне?!». И кто-то внутри ответил, что, мол, нечего распускать нюни. Зато активно проведешь субботу, с интересными людьми. Но тут, же этот голос быстро перебил другой, сварливый и ворчащий. Ага, конечно, с интересными, разве, что для тренировки твоего сарказма. Не стоит так предосудительно относиться к людям.

Не буду.

Вероника встретила меня оживленно и даже чрезмерно дружелюбно. Позже я поняла, что она тоже приглашена, но с условием, что достойно подготовит меня к вечеру. Странная прихоть моей тетки, не проще было бы отправить меня в какой-нибудь салон.

– Нет, не проще, дорогая. Еще чего доброго сделают из тебя пугало огородное, без присмотра. И так посмотрим...

В перерывах, пока я сидела с маской на лице или ждала, пока высохнет лак на ногтях, моя мастерица бегала, собирая и себя тоже. Попутно давая советы.

– Главное слушай, мужики это любят, особенно те, что соберутся там. И Господи Боже, без твоего чувства юмора. Пожалуйста.

Кажется, этим самым мужчинам нужна глухонемая. Ладно, глухонемая, так глухонемая. С вечной улыбкой на лице, кивающая, как собачки или кошечки, которых ставят на переднюю панель в автомобиле. Я тихонько хихикнула, пока Вероника отвернулась к стенному шкафу.

Раскрылись створки. И вот оно – женское счастье! Ровные

ряды одежды, почти всех оттенков и еще какие-то маленькие ящички. М-да... С моим убогим гардеробом это, конечно, не сравнится. Вот на что уходит львиная доля зарплаты.

Последнюю мысль, видимо от некоторого шока, я высказала вслух.

– А что ты удивляешься, моя дорогая. Мужчины нынче пошли привередливые. Им нужно все в одном флаконе. А, если он успешный бизнесмен или какая-нибудь шишка, то зачуханную домохозяйку выводить в свет не будет.

Далее пошла развернутая лекция на данную тему. Внимая с широко распахнутыми, невинными глазами, я думала лишь о шведском столе, который будет на этом самом званом вечере. Огромные блюда с маленькими бутербродами, на которых аккуратно разложены красная икра, буженина, сыр и сверху оливочка или маслинка. Разноцветные канапе из фруктов или сыров. Желудок возмущенно заурчал.

– Так... Размер у нас примерно одинаковый. Но все, же надо учитывать, что я выше и грудь у меня побольше.

Смерив меня еще раз серьезным взглядом, начала рыться усиленно в залежах одежды.

– Есть у меня одно платье, я его купила с дури и одевала всего один раз. Цвет совсем не мой, но послушала подружку. А выкинуть рука не поднялась.

Воистину, послушай женщину и сделай по-своему.

– Но тебе подойдет.

Цвет был и вправду великолепен. На загорелой Веронике

он как то терялся и уже не был столь сочным. Но, на фоне моей белой кожи и вкупе с темно-рыжими волосами и карими глазами, был ярким и искрящимся. Хотя определить его точно не смогу. Что-то среднее между бронзовым цветом и бордовым с золотистым отливом. Очень простой, без затей, покрой, вырез лодочкой, без рукавов, вытачки сзади, почти прямое, только немного расширялось к низу. В талии было немного великовато, но мы решили эту проблему, подобрав пояс.

– Хорошо, что размер обуви у нас один. И все же здесь лучше забранные волосы. Да. Так намного лучше.

Волосы собрали. Оставив только тоненькие прядки на висках, смотрелось совсем неплохо.

Чего я ждала с большим опасением, так это макияжа. Моя косметичка была так же худа, как и гардероб. Пудра, карандаш, тушь, засохший, старый тональный крем и палетка с тенями, где я пользовалась лишь одним цветом. Ах, да. Еще блеск для губ. Но, как и в случае с одеждой, такой подход не для Вероники. Помимо всяческих тюбиков, баночек и всего прочего на туалетном столике стоял чудо-чемоданчик.

– Я специально окончила курсы визажиста, могу корочки показать. Вообще, это даже просто для себя будет совсем не лишним, так что советую.

– Ага.

И все. Дальше были только отрывистые фразы «открой глаза», «закрой глаза», «не дергай веком», «чуть приоткрой

губы».... К концу этой процедуры у меня было ощущение, что на лице несколько слоев штукатурки.

– Та-да-дам... Можешь смотреть.

Если во всем остальном Вероника угадала, то макияж явно был не в десятку. Себя она всегда делала идеально. И подбор цвета и все остальное. Или может я просто не привыкла к таким ярким цветам. Нет, не ярким, а темным. Все подвижное веко было, чуть ли не черным, каким-то дымчато-серым, румяна слишком яркие для моей кожи и алели, как маков цвет. Слава Богу, хоть губы были вполне приличны, а то это был бы перебор.

– Ты просто не привыкла так краситься, но тебе очень идет.

Надеюсь, что так и есть. А то я напоминала себе перепуганное приведение, с темными провалами на месте глаз.

Зато она была завораживающе прекрасна. Высокая, статная, в обтягивающем, но не вызывающем, черном платье и даже те, же черные тени выглядели вполне уместно. Маленькие сережки в ушах, колечко на пальце, длинная, сексуальная шпилька и клатч. Высший пилотаж!

Все-таки надо было остаться дома, на этом вечере мне делать нечего, особенно, если рядом будет уверенная в себе супер-леди. От этих мыслей меня отвлек хлопок по спине.

– Не горбись! Что ты как бабушка старушка.

И, заправив за ухо идеальную прядь, идеальная красotka подтолкнула меня к двери, еще раз кинула на себя взгляд в

зеркало и захлопнула стальную дверь. От этого звука стало, почему то не по себе.

– Нажми кнопку вызова лифта, а то уже такси внизу ждет.

– Да, да.

Павел Зонов, как и ожидалось, оказался ни к чему не причастен. Обычный парень, смазливый, самоуверенный, но внутри слишком труслив, чтобы совершить что-то хоть отдаленно напоминавшее действия человека, которого они любили.

Нет, пустая трата времени и сил. Но надо проверять все версии, как выжалось их начальство. Естественно, версия с маньяком мало кому доставляла удовольствие. Проще поверить в ревнивого, неуравновешенного молодого поклонника под горячую руку убившего свою подружку. Но сюда как, то не вписываются две другие жертвы и все увечья, которые он им наносил.

Результаты вскрытия последней жертвы лежал перед ним.

Все, то же самое, только они ни шаг не приблизились к нему.

Открылась дверь кабинета, и его уединение было прервано тяжелым посапыванием и кашлем.

– Что-то я совсем расклеился. Чертов зонт!

Вова немного поборолся с зонтом и пристроил его рядом с батареей.

– Ну, что там у тебя?

– Результаты вскрытия.

– И?

– Что и? Как всегда. А, что наш Павел Зонов?

– Вот зря я сбивал ноги и т.д. и т.п. Ты сам все понимаешь.

Только ради отписки.

– А как же? Без бумажки ты букашка...

– Ага, а с бумажкой человек. Короче, изъятый компьютер, то есть его мозги на компьютерно-технической экспертизе, когда они будут готовы хоть что-то сказать, черт его знает.

– Ясненько. Смотаешься до «Рапсодии»? Может кто-то, что-то.

– Слушай...

– Надо, Вова, надо. И со следователем поговорил?

– Понял, не дурак. Поговорил, материалы читал, дело нам переслали. Ничего, большими буквами. А ты куда?

– В «Галакти».

– Проверить знают ли там об официантке, похожей на вторую?

– Да. Надо проверить, может, повезет и это вправду она.

– Я думаю, при пропаже сотрудника стоит сообщить в милицию?

– Да кому это нужно? Пока не пнешь по-хорошему, у нас никто не зашевелится.

– Это верно, сознательных граждан все меньше и меньше.

– Тебя тоже подопнуть?

– Не надо, все сам. Все сам.

И, подхватив многострадальный зонт, он вышел.

Клуб «Галакти» был средненьким заведением. Трехэтажное здание ночью в неоновых огнях выглядело, наверное, неплохо, но в вечерних сумерках не очень впечатляюще, обшарпанным и потрепанным.

Железную дверь служебного входа отрыл молодой человек охранник.

– Что вы хотели?

– Здравствуйте, – корочки уперлись ему почти в нос. – Поговорить с администратором или владельцем заведения, кто есть на месте?

– Проходите на второй этаж, вторая дверь слева. Максим Анатольевич.

– Спасибо.

Внутри клуб был чуть поинтереснее, чем снаружи. Смесь плитки, стекла, хрома, на стенах рисунки каких-то видимо начинающих художников, немислимые космические картины, звезды, вспышки. «Второй этаж, вторая дверь слева...». Обычная офисная дверь, надо хоть постучать ради приличия. На стук никто не ответил, хотя отчетливо слышался приглушенный голос. Еще раз, ответа нет.

– Что за черт!

Дернул ручку. В небольшом кабинете за столом сидел мужчина лет сорока, в приличном костюме, с аккуратной стрижкой и большим перстнем на пальце. Он оторвался от трубки и с легким недоумением уставился на дверь.

– Я перезвоню. Кто вы? И как вошли?

– Вошел обычно, через дверь. Меня ваш охранник впустил.

– Уволю всех к чертовой матери.

– Не нужно. Он не мог меня не впустить.

И опять достал корочки. «Интересно, сколько раз за день я это делаю».

– Изотов Глеб Николаевич. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Слушаю.

– Примерно три месяца назад, в районе Хлебозаводской, где расположены базы и склады, был обнаружен труп девушки. Есть информация, что она работала у вас в клубе официанткой. Нам бы очень помогло, если бы вы смогли опознать.

– Давайте. Хотя...

– Что?

– Я, конечно, могу посмотреть. Но вряд ли узнаю, если она работала у нас. Просто всеми делами с персоналом занимается администратор клуба Алла Гришина. В данный момент ее нет на месте, но к началу работы подойдет.

– Все же.

На столе появились фотографии.

– Ну, вот эта черненькая хоть и кажется смутно знакомой.... Но я говорю, что лучше у Аллы точнее знать, все личные дела у нее в кабинете. Вы будете ждать?

– Через сколько она подойдет?

– Минут через сорок. Спускайтесь вниз, бармен уже на месте, она все равно сначала заходит в зал.

– Хорошо, спасибо.

– Не за что.

И опять потянулся к сотовому.

Кофе здесь оказался более приличным, чем в кафе «Сказка». Ожидание было скрашено разговором с барменом. Помочь ничем он не мог, так как устроился сюда на работу месяц назад. Охранник, впустивший его, коротко взглянув на фото, сказал, что напоминает лицо, но официантки меняются так часто, уследить и вспомнить всех невозможно. Похоже, часть из них работала без трудового договора, но это его уже не касалось.

Ровно через сорок минут по плитке процокали каблочки. Алла оказалась среднего роста блондинкой, слишком энергичной, похожей на волчок, в жакете, обтягивающей юбке карандаш и на огромных каблуках. При своей порывистости странно, что она не падала на них.

– Хм... Ужас, какой! Вы говорите, обнаружили мертвой? Надеюсь, что это не она. Хотя, припоминаю, как раз три месяца назад у нас пропали две официантки, без объяснений. Полная безответственность. Пройдемте наверх, в мой кабинет, посмотрим личные дела.

И пронеслась тайфуном по лестнице. Ее кабинет казался более обжитым, чем у их директора. Похоже, основная масса дел ложилась на хрупкие женские плечи.

– Извините за беспорядок, сейчас...

Подвинув парочку безделушек на столе, пристроила объемистую лаковую сумку, отливающую хищным блеском так, что даже пришлось прищурить глаза.

По поверхности стола были разбросаны разные стикеры, флаеры, счета, папки, разбавляли этот бедлам маленькие фигурки китайских божков и монетки на красных ленточках. Одна из его бывших подружек тоже увлеклась чем-то подобным и даже пыталась заставить передвинуть всю мебель в квартире. Из-за неумелого отказа они вроде бы и расстались.

Мило улыбнувшись, девушка чуть перегнулась через стол и стала рыться в ящиках. Хотя можно было бы и не напрягаться, а просто обойти его. «Ох. Кажется, кого-то клеят. Попка выглядит очень аппетитно, спору нет, но женщины с такими хищными повадками несколько пугают».

– Сейчас, сейчас, погодите. Наверное, не здесь, а в других ящиках.

И отлепившись от стола, наклонилась к стеллажу за ним. Поза была не менее соблазнительной.

– Алла, простите, Максим Анатольевич не сказал вашего отчества.

– О, Боже мой! Что за церемонии. Просто Алла. Мне же не шестьдесят лет, – и извлекла на свет, наконец, огромную папку.

– Так, вот они две беглянки. Яна Сычева и Анна Кравцо-

ва.

Три тоненьких листочка скрепленные стиплером вместе и фотография маленькая, как на паспорт. Подобные снимки выходят почти всегда ужасно, но узнать было можно.

– Это она Яна Сычева. Взгляните на фото.

Алла нерешительно наклонилась в его сторону и коротко сглотнула.

– Да, это она.... Ужас то, какой!

– Она долго у вас работала?

– Нет, четыре месяца всего. И я очень удивилась, что она вот так без предупреждения не вышла на работу. Обычно она была обязательной, в отличие от второй Кравцовой. Даже не курила и с посетителями не заигрывала.

– То есть, не кокетка?

– Нет. Хвостом не крутила, на комплимент могла улыбнуться. Да и что тут у нас может быть интересного для девушки? Одна молодежь ходит.

И с великой тоской взглянула на него.

– А с кем-то из персонала она подружилась?

– Да, с Лидой Сорокиной. Ее смена сегодня, так что можете переговорить.

– Отлично. Вы не знаете где она жила? Ведь, скорее всего, снимала квартиру?

– Да. Она из какого-то поселка. Но где снимала, не знаю, никогда не интересовалась.

– Может, училась заочно?

– Не знаю, честно. Для меня пришла на работу и, слава богу.

– Понятно. Спасибо, вам за помощь. Как мне найти Лиду Сорокину?

– Пойдемте, я провожу вас в раздевалку. Они, наверное, уже переодеваются к смене.

– Отлично.

Вежливо придержал перед ней дверь.

– Спасибо.

Еще одна многообещающая улыбка. «Думается, даже, если бы я вел себя по-хамски, не помогло бы». Опять первый этаж, унылые подсобные помещения, с какой-то грязно-серой краской на стенах.

– Секундочку.

Алла осторожно постучала костяшками в дверь.

– Девушки? Вы там одеты?

– Да. Входите.

Три пары девичьих глаз уставились на него.

– Добрый вечер.

Послышались какие-то неоднозначные ответы.

– Лида, поговори вот с этим человеком из милиции. Это по поводу Яны Сычевой. А остальные в зал, давайте, давайте.... Еще столы протирать надо.

Дверь закрылась.

– Изотов Глеб Николаевич.

– Что с Яной?

– Вы хорошо ее знали?

– Не так, чтобы очень, но общались. Она была нормальной девчонкой. . . . А что случилось? Она так неожиданно пропала.

– Ее нашли мертвой три месяца назад на заброшенном здании на окраине города. Но до недавнего времени опознать не могли.

Лида закрыла лицо руками, немного посидела так.

– Ужас, какой!

– Значит, говорите неожиданно?

– Да. Вообще на нее не похоже. И Ленка даже не в курсе.

– Лена?

– Они вместе снимали однокомнатную квартиру. Я ей звонила. Так она сама в непонятках была. Вещи на месте, все на месте, а Яны нет.

– Напишите, пожалуйста, адрес, номер телефона, фамилию, имя, отчество этой Лены.

– Да, конечно. Только я с Ленкой неделю назад или две созванивалась, она могла уже квартиру сменить.

– Понятно. А заявление в милицию писали о пропаже?

– Ленка пыталась. Но там и слушать не стали. Типо не родственница, гуляй от сюда. А твоя подруга просто с мужиком где-то пропадает. А Яна не такая. Она серьезная девчонка. В техникуме училась, а здесь подрабатывала на квартиру и так хоть что-то.

– А родственники у нее есть?

– Есть. Одно название только, родственники... Мать алкоголичка. Лена ей звонила, где то в вещах откопала телефон домашний. Да, толку никакого.

– Понятно. Значит, девушкой Яна была положительной?

– Ну,... Нормальной. Не одни мужики, да тряпки на уме. Мы особо-то в секреты своей личной жизни друг друга то не посвящали.

– А постоянный ухажер был?

– Нет. В поселке, когда жила с каким-то пареньком гуляла, она рассказывала. А здесь некогда было.

– А в клубе не было никаких клиентов постоянных или, которые проявляли, так скажем, излишнее внимание, навязчивое?

– Ну, бывало, пристанет какой-нибудь пьяный идиот, но это, же обычное дело. А так, чтобы постоянно нет.

– А она не говорила вам, что может за ней кто-нибудь следит, ходит или вы не замечали, что вокруг клуба кто-то крутится?

– Ничего такого. А на счет крутится, это лучше у охранников спросить.

– Спрошу, даже не сомневайтесь. Спасибо, за информацию, Лида. До свидания.

– Ага. До свидания.

От охранников тоже ничего интересного узнать не удалось. Да, пьяные драки. Кто-то кому-то машину помял, когда со стоянки выезжал. Но никаких мужиков следящих за клу-

бом они вроде бы не заметили. Девушек официанток после смены развозят на машине по домам, один из них выходит проводить. И ничего подозрительного не было.

В главном зале клуба, рядом с барной стойкой, уже началось оживление. Музыка заиграла более громко и ритмично. Заметались, заискрились разноцветные огоньки.

Он уже собирался уходить, когда заметил у стойки знакомую фигуру. Длинные волосы переброшены через плечо, те же высокие каблуки, обтягивающее платье и сумочка. Девушка сидела на высоком стуле к нему в пол оборота и помешивала трубочкой коктейль. Мило улыбаясь во весь рот, о чем-то беседовала с барменом. Конечно, можно было поверить в неожиданное совпадение, что ей вдруг очень, очень захотелось побывать именно в этом клубе. Но как-то слабенько. А от бармена ты ничего не добьешься, дорогая, он устроился сюда уже после исчезновения Яны. Да и как объяснять бы стала, кого именно ищешь? Мисс Марпл, блин!

И тут на его плечо легла рука. Из-за музыки было не слышно, что кто-то подошел.

– Вы еще не ушли? Какая удача! Рабочий день уже закончен, может, согласитесь посидеть у меня в кабинете и выпить чего-нибудь, поболтать?

– Алла, был бы очень рад, но у меня ненормированный рабочий день. Да и у вас он наоборот только начинается. Так что как-нибудь в другой раз.

– Хм. Конечно, до свидания.

Но, по взгляду понял, что проклят на веки. И пошел к бару, устроился на соседнем стуле и немного подождал, пока Марина обратит на него внимание. Особого изумления не было, значит, заметила его раньше, пока болтал с администраторшей. Во всем облике сквозило пренебрежение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.